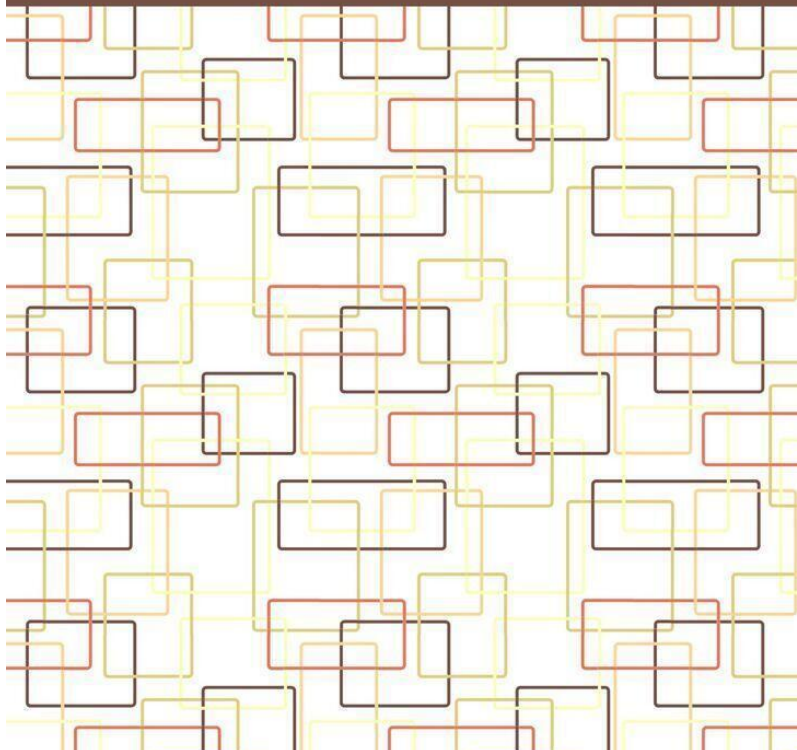

12+

Ник Нил

*Цена пророчества: когда одна
клятва может стоить целого мира*

Ник Нил

**Цена пророчества: когда
одна клятва может
стоять целого мира**

<https://litres.ru/74401709>

ISBN 9785007113243

Аннотация

В мире, где тень стирает имена и воспоминания, лишь те, кто умеет помнить, способны его спасти. Рыцарь Эдан, летописец Иво и хранительница историй Лира учатся защищать реальность не мечами, а словами, следами и простыми человеческими делами. Их путь — это череда тихих подвигов: от таблички у дороги до сундука с памятными вещами. Вместе они доказывают: мир держится не на силе, а на памяти — и на тех, кто не даёт ей исчезнуть.

Содержание

Ник Нил	5
— Лира!	27
Глава 4. Дорога сквозь тень	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Цена пророчества: когда одна клятва может стоять целого мира

Ник Нил

© Ник Нил, 2026

ISBN 978-5-0071-1324-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ник Нил

**Цена пророчества: когда одна клятва может стоить
целого мира**

Глава 1. Тень на камне

Сэр Эдан шёл по замковым переходам, и каждый его шаг отдавался в груди глухим эхом, будто сама крепость напоминала: «Ты нарушил слово». Свиток в его кулаке будто жил своей жизнью — линии на нём шевелились, сплетались и расплетались, словно змеи, ищущие путь. Эдан не решался развернуть его при свете факелов: ему казалось, что узор может ускользнуть, если на него смотреть слишком прямо.

Во дворе замка было непривычно тихо. Даже ветер, обычно гудевший в бойницах, словно затаил дыхание. Стражники у ворот переглядывались, не зная, как вести себя с рыцарем, который вернулся от ведьмы с лицом человека, только что продавшего часть своей души. Никто не спрашивал, что случилось. В замке уже ходили шёпоты: Печать трещит, реальность даёт щели, и сквозь них просачивается Хаос.

Эдан остановился у колодца, опустил руку в холодную воду и провёл ладонью по лицу, пытаясь смыть ощущение предательства. Но оно не смывалось. Оно сидело внутри, как заноза, которую нельзя вытащить, не разорвав плоть.

— Сэр Эдан...

Он обернулся. На верхней ступени галереи стояла Лира,

его сестра. В простом льняном платье, с косой, перетянутой кожаным ремешком, она выглядела почти как в детстве — только в глазах теперь была взрослая тревога.

— Ты вернулся, — сказала она, спускаясь. — Я видела, как ты уходил к ведьме. И видела, как вернулся. Что ты ей отдал?

Эдан хотел солгать. Хотел сказать: «Ничего. Просто выслушал совет». Но после того, что он произнёс у рва, любая ложь казалась кощунством.

— Правду, — глухо ответил он. — Ту самую, которую клялся хранить до смерти.

Лира побледнела. Она знала, о какой правде речь. Печать держалась не на древних чарах, не на крови королей, а на одной-единственной лжи: будто род Эдана — избранные богов, будто их кровь способна удерживать Хаос. На самом деле всё держалось на страхе и вере людей в эту легенду. И Эдан только что выбил из-под неё опору.

— Значит, Печать слабеет, — прошептала Лира. — И демоны почувствуют это.

— Но ведьма дала мне путь, — Эдан вытащил свиток и протянул его сестре. — К храму, где хранится ключ к Печати. Если мы успеем, всё можно исправить.

Лира не взяла свиток. Вместо этого она схватила брата за руку, впиваясь пальцами в его запястье.

— Тогда мы пойдём вместе, — сказала она твёрдо. — Ты не справишься один. И не смей даже думать о том, чтобы

оставить меня здесь.

Эдан хотел возразить. Хотел напомнить, что дорога будет опасной, что храм скрыт в землях, где даже птицы не поют, а камни шепчут проклятия. Но в её взгляде было столько решимости, что слова застряли в горле. Он кивнул.

— Хорошо. Но обещай: если станет слишком опасно, ты послушаешь меня.

— Обещаю, — ответила Лира с лёгкой усмешкой. — Если ты пообещаешь делать то же самое.

Они поднялись в оружейную, где старый мастер Герион, седой и сутулый, как древний дуб, чинил доспехи. Услышав о планах, он не стал отговаривать. Вместо этого молча достал из сундука два плаща с капюшонами, выцветших от времени, но крепких, и протянул их.

— Эти плащи носили разведчики ещё во времена Первой Осады, — сказал он хрипло. — Ткань пропитана смолой и травами. От магии не спасёт, но от тумана Хаоса поможет. И вот ещё... — он достал из ящика маленький серебряный медальон с вычурной гравировкой. — Это компас. Не обычный. Он не показывает север. Он показывает направление, где меньше тьмы. Держите его поближе к сердцу.

Эдан взял медальон, ощутив его приятную тяжесть.

— Спасибо, Герион.

Старик кивнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на грусть.

— Возвращайтесь живыми, — буркнул он. — Замок без

вас станет просто грудой камней.

Когда они вышли за ворота, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона, словно предвещающая беду. Дорога вела через лес, где деревья росли так плотно, что их кроны смыкались над тропой, создавая вечный полумрак. Птицы здесь не пели, а воздух был густым, будто пропитанным предчувствием.

— Чувствуешь? — тихо спросила Лира, вглядываясь в сумрак между деревьями. — Как будто лес следит за нами.

Эдан кивнул. Он чувствовал это с самого начала: каждый шорох, каждый порыв ветра казался взглядом невидимых глаз.

Вдруг впереди, там, где тропа делала поворот, мелькнула тень. Не человеческая — слишком угловатая, слишком неправильная. Эдан выхватил меч, и клинок отозвался тихим звоном, будто пробуждаясь от долгого сна.

— Стой, — прошептала Лира, хватая брата за рукав. — Смотри.

Из-за деревьев медленно вышли трое. Но это были не люди. Их фигуры были искажены, словно кто-то пытался слепить человека из дыма и теней. Глаза светились тусклым красным светом, а руки оканчивались длинными, изогнутыми когтями. Демоны Хаоса.

Один из них сделал шаг вперёд, и воздух вокруг него дрогнул, как над раскалённым камнем.

— Печать слабеет, — прошипел демон голосом, похожим

на скрежет камня о камень. — Вы чувствуете это, люди? Вы чувствуете, как мир трескается?

Эдан встал перед Лирой, закрывая её собой.

— Мы не позволим вам пройти, — сказал он, хотя внутри всё сжималось от страха.

Демон рассмеялся — звук был похож на треск сухих веток.

— Вы — песчинки на ветру, — прошипел он. — Но мы не пришли за вами. Мы пришли за тем, что вы несёте.

И тогда Эдан понял: они чувствуют свиток. Чувствуют узор, который ведёт к храму.

— Лира, беги! — крикнул он, бросаясь на демона.

Сталь ударилась о тень, и раздался звук, похожий на стон металла. Демон отшатнулся, но не упал. Вместо этого он взмахнул когтями, и воздух перед ним расступился, открывая тёмную щель, из которой тянуло холодом и запахом гнили.

Лира рванулась в сторону, но один из других демонов метнулся к ней, быстрее молнии. Эдан закричал, сделал отчаянный выпад, и в тот же миг медальон на его груди вспыхнул холодным голубым светом.

Компас сработал. Он показал не просто направление — он показал путь сквозь тьму.

Эдан рванулся вперёд, увлекая Лиру за собой, и они нырнули в узкий проход между деревьями, который секунду назад казался глухой стеной. За их спинами раздался яростный

вой, но лес уже сомкнулся, скрывая беглецов от преследователей.

Они бежали, пока лёгкие не загорелись огнём, пока ноги не стали ватными. Наконец, Лира споткнулась и упала на колени, хватая ртом воздух. Эдан рухнул рядом, прижимая к груди свиток и медальон.

— Они... они почти достали нас, — выдохнула Лира.

Эдан кивнул, не в силах говорить. Он смотрел на свиток, и линии на нём теперь складывались в чёткие очертания: извилистая тропа, петляющая среди гор, переправа через чёрную реку, врата, скрытые за водопадом.

— Теперь я вижу путь, — прошептал он. — Храм там. Нам нужно добраться до переправы до рассвета. Иначе Хаос накроет эти земли, и даже храм не поможет.

Лира подняла на него глаза, в которых читался вопрос, который она боялась задать.

— А что будет с тобой? — тихо спросила она. — После того, что ты сказал ведьме... Твоя клятва нарушена. Что это сделает с тобой?

Эдан помолчал, глядя на багровое небо, которое становилось всё темнее.

— Не знаю, — честно ответил он. — Но я готов заплатить любую цену, лишь бы спасти этот мир. Даже если цена — я сам.

Глава 2. Чёрная река

Ночь опустилась на лес, как тяжёлый плащ, и тьма стала

почти осязаемой. Эдан и Лира шли по тропе, едва различимой в мерцающем свете медальона. Компас вёл их уверенно, но с каждым шагом воздух становился всё тяжелее, будто сам мир сопротивлялся их продвижению.

Лира шла молча, но Эдан чувствовал, как она вздрагивает от каждого шороха. Он хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но слова застревали в горле. Вместо этого он просто шёл рядом, готовый в любой момент выхватить меч.

К рассвету они вышли к Чёрной реке. Вода в ней была густой, почти маслянистой, и отражала небо не как зеркало, а как трещина в реальности — сквозь неё проглядывали странные, искажённые образы: силуэты людей, которых здесь не было, вспышки света, похожие на далёкие пожары.

На берегу стоял старый паром, наполовину погружённый в воду. Его доски почернели от времени, а цепи, которыми он крепился к берегу, покрылись ржавчиной. Но самое странное было в том, что на корме сидел человек — или то, что когда-то было человеком.

Перевозчик.

Он был одет в длинный плащ с капюшоном, скрывавшим лицо, и держал в руках длинный шест. Когда Эдан и Лира подошли ближе, он медленно поднял голову. Под капюшоном не было лица — только клубящаяся тень, из которой пробивался тусклый свет, похожий на далёкие звёзды.

— Чтобы пересечь реку, нужно заплатить, — произнёс Перевозчик голосом, в котором слышался шум ветра и плеск

воды. — Что вы готовы отдать?

Эдан сжал кулаки. Он знал, что у них нет золота, нет драгоценностей — только свиток, медальон и собственные жизни.

— У нас нет платы, — сказал он твёрдо. — Но нам нужно попасть на тот берег. Там — храм, который может спасти мир.

Перевозчик склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то невидимому.

— Спасти мир... — повторил он задумчиво. — Многие говорили это. И многие платили слишком высокую цену.

— Что ты хочешь? — спросила Лира, делая шаг вперёд. — Скажи, и мы дадим.

Перевозчик посмотрел на неё, и в его тени мелькнули искры, похожие на слёзы.

— Мне не нужно золото, — сказал он. — Мне нужны воспоминания. Одно воспоминание, самое дорогое, самое светлое. То, что греет душу в самые тёмные ночи.

Эдан почувствовал, как внутри всё сжалось. Воспоминания — это часть души. Отдать одно из них — значит потерять частичку себя.

— Нет, — резко сказал он, загоразивая Лиру. — Мы не будем платить такой ценой.

Но Лира мягко коснулась его руки.

— Подожди, — прошептала она. — Я отдам своё.

Эдан повернулся к ней, в его глазах читался ужас.

— Лира, нет!

Она улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— Помнишь, как мы детьми прятались в старой башне во время грозы? — тихо сказала она, глядя на брата. — Ты рассказывал мне истории про рыцарей и драконов, и мне не было страшно. Это воспоминание — моё самое дорогое. Пусть оно будет платой.

Эдан хотел остановить её, но Перевозчик уже протянул руку, и тень из-под капюшона потянулась к Лире, касаясь её лба лёгким, почти невесомым прикосновением. Лира закрыла глаза, и на её лице мелькнуло выражение лёгкой грусти, будто она попрощалась с чем-то очень дорогим.

— Плата принята, — произнёс Перевозчик. — Садитесь на паром.

Они взошли на шаткую палубу, и Перевозчик оттолкнулся шестом от берега. Паром медленно поплыл по густой, маслянистой воде, и река вокруг них начала шептать. Слова были неразборчивыми, но смысл угадывался: предупреждения, угрозы, обрывки чужих историй, потерянных во времени.

Лира прижалась к брату, и он обнял её, чувствуя, как дрожит её тело.

— Прости, — прошептала она. — Но это было правильное решение.

Эдан не ответил. Он смотрел вперёд, туда, где на другом берегу уже виднелись очертания гор, а между ними — узкая тропа, ведущая к водопаду.

Когда паром коснулся берега, Перевозчик не стал задерживать их.

— Идите, — сказал он тихо. — Но помните: цена никогда не исчезает. Она просто ждёт своего часа.

Эдан и Лира сошли на берег и пошли вперёд, оставляя за спиной Чёрную реку и её мрачного хранителя.

Тропа поднималась вверх, становясь всё круче. Камни под ногами были острыми и скользкими, а ветер, дувший с гор, нёс с собой запах озона и чего-то древнего, давно забытого.

Наконец, они добрались до водопада. Вода падала с огромной высоты, разбиваясь о скалы и превращаясь в облака брызг, сквозь которые едва можно было разглядеть что-либо. Но Эдан знал: за водопадом скрывались врата храма.

— Нам нужно пройти сквозь воду, — сказал он, оглядываясь на Лиру.

Она кивнула, крепче сжимая его руку.

— Тогда идём. Вместе.

Они шагнули в поток, и вода обрушилась на них, холодная и безжалостная. На мгновение всё исчезло: звуки, свет, даже собственные мысли. Остался только холод и ощущение падения в бездну.

А потом вода расступилась, и перед ними открылись врата.

Древние, покрытые резьбой, изображавшей сцены битв, жертвоприношений и падений миров. В центре врат был высечен символ — тот же узор, что и на свитке Эдана. Линии на

свитке вспыхнули и застыли, превратившись в чёткий рисунок, который, казалось, пульсировал в такт биению сердца.

— Мы на месте, — прошептал Эдан. — Осталось только войти.

Но когда он протянул руку к воротам, земля под ногами дрогнула. Где-то далеко, в глубине гор, раздался низкий, протяжный гул, похожий на стон пробуждающегося чудовища.

Лира схватила брата за руку.

— Эдан, — прошептала она, её голос дрожал. — Что-то идёт. Что-то огромное.

И в этот момент из темноты туннеля за воротами вырвались тени. Не демоны Хаоса — что-то иное. Стражи храма. Их тела были похожи на переплетения корней и костей, а глаза горели тусклым зелёным светом. Они не спешили нападать — они просто стояли, преграждая путь, и их молчание было страшнее любого крика.

— Кто вы? — спросил Эдан, выхватывая меч. — Чего вы хотите?

Один из стражей медленно наклонил голову, и из его груди вырвался звук, похожий на шелест сухих листьев.

— Храм не для всех, — произнёс он голосом, в котором слышался гул ветра в пустых залах. — Только достойный может войти. Докажи, что ты достоин.

Эдан посмотрел на Лиру, и в её глазах он увидел отражение собственной решимости.

— Я готов, — сказал он, делая шаг вперёд. — Что мне нужно сделать?

Глава 3. Испытание врат

Страж медленно протянул руку, и между его пальцами вспыхнули тонкие нити зелёного света. Они потянулись к Эдану, обвивая его запястья, грудь, шею, словно проверяя, из чего он сделан. Эдан стиснул зубы, стараясь не вздрогнуть от холода, который проникал сквозь кожу прямо в кости.

— Достоинство не в силе, — произнёс страж, его голос звучал теперь не снаружи, а внутри головы Эдана, как эхо в пустой пещере. — Достоинство — в готовности платить цену. Ты уже заплатил одну. Теперь заплати другую.

Нити света потянули Эдана вперёд, заставляя его шагнуть сквозь врата. Лира хотела последовать за ним, но невидимая сила отбросила её назад, и она упала на мокрые камни, беспомощно протягивая руку.

— Эдан! — крикнула она, но звук её голоса утонул в рёве водопада и гуле, идущем из глубины храма.

Внутри было темно. Не просто темнота, а отсутствие света как такового — будто само пространство отказывалось отражать любое сияние. Эдан стоял в круглой комнате, стены которой были покрыты барельефами, изображавшими сцены падения городов, исчезновения народов и рождения новых миров. В центре комнаты на каменном пьедестале лежал предмет, от которого исходило слабое, пульсирующее свечение.

Ключ к Печати.

Он выглядел как небольшой кристалл, огранённый в форме капли, с прожилками, похожими на застывшие молнии. Эдан сделал шаг вперёд, но пол под ним дрогнул, и из трещин в камне начали подниматься тени — не демоны, а образы. Образы его собственных страхов.

Сначала появилась тень Лиры, но не той, что осталась снаружи, а искажённой, с горящими глазами и улыбкой, полной злобы.

— Ты всегда знал, что не сможешь меня защитить, — прошептала тень голосом сестры. — Ты слаб. Ты просто рыцарь, который не умеет быть героем.

Эдан отшатнулся, сжимая рукоять меча.

— Замолчи, — процедил он сквозь зубы. — Ты — не она.

Тень рассмеялась, и смех был похож на звон разбитого стекла.

— Ты сам знаешь, что это правда, — прошептала она. — Иначе зачем ты так отчаянно пытаешься всё исправить? Потому что боишься признать: ты не достоин ни Печати, ни своего рода, ни даже собственной клятвы.

Следом появились другие тени: лица людей, которых Эдан когда-то подвёл, обещания, которые не смог сдержать, битвы, которые проиграл. Каждая тень шептала что-то своё, и шёпот сливался в единый гул, который давил на виски, заставляя голову раскалываться от боли.

Эдан закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Он вспом-

нил слова ведьмы: «Цена не исчезает, когда дело сделано. Она просто меняет форму». Теперь он понимал, что она имела в виду. Цена — это не только кровь или клятва. Цена — это столкновение с самим собой.

Тени кружили вокруг, шептали, смеялись, тыкали в старые раны. Но среди этого гула Эдан вдруг услышал один голос — тихий, спокойный, знакомый до боли. Голос Лиры. Не искажённой, не злой, а той самой, что стояла у колодца и смотрела на него с упрямой верой.

«Ты не один, Эдан, — звучало в его голове, будто она стояла рядом. — Даже если весь мир обернётся против тебя, я всё равно буду верить, что ты справишься. Потому что ты не бросаешь тех, кто тебе дорог».

Он распахнул глаза. Тени на миг замерли, словно споткнулись о эту тишину внутри него. И тогда Эдан шагнул вперёд — не размахивая мечом, не крича, а просто твёрдо, как человек, который знает, за что стоит.

— Я не идеален, — произнёс он громко, и голос его не дрогнул. — Я ошибался. Я боялся. Я хотел, чтобы кто-то другой взял эту ношу. Но сейчас я здесь. И я не позволю страху решать за меня.

Тени зашипели, как угли, на которые плеснули водой. Они метнулись к нему, пытаясь снова окутать, но теперь их прикосновения не жгли, а лишь скользили по коже, как холодный ветер.

В центре комнаты кристалл на пьедестале вспыхнул ярче, и из него вырвался луч света, ударивший в потолок и рассыпавшийся там тысячами искр. Барельефы на стенах зашевелились: сцены разрушения сменились картинами защиты, обороны, последнего рубежа, где один человек встаёт между хаосом и миром.

Страж, чьи нити всё ещё обвивали Эдана, медленно наклонил голову.

— Ты прошёл испытание страха, — прошелестел он. — Но есть ещё одно.

Эдан сжал кулаки.

— Какое?

— Испытание жертвы. Храм не отдаёт силу тем, кто хочет спасти всё, не потеряв ничего. Скажи: если для того, чтобы удержать Печать, нужно будет пожертвовать тем, что ты любишь больше всего на свете, — ты сделаешь это? Не ради

славы, не ради долга, а потому что иначе рухнет мир?

Эдан не колебался ни секунды.

— Да, — ответил он твёрдо. — Если это спасёт Лиру и всех остальных, я пожертвую чем угодно. Даже собой.

Кристалл снова вспыхнул, и на этот раз свет окутал Эдана целиком, проникая под кожу, в кости, в самую суть. Он почувствовал, как его клятва, его кровь, его род — всё это сплетается в единую нить, которая тянется сквозь время и пространство, удерживая трещину в реальности. Печать не исчезла — она перетекла в него. Теперь он был не просто хранителем. Он стал частью барьера.

Нити света исчезли. Страж отступил, растворяясь в тени стен.

— Ключ твой, — прошепел его голос уже издалека. — Но помни: сила Печати — это не меч. Это тяжесть, которую ты будешь нести до конца своих дней.

Эдан протянул руку и взял кристалл. Тот оказался тёплым, почти живым, и пульсировал в такт его сердцу. В тот же миг невидимая преграда, удерживавшая Лиру снаружи, исчезла.

Сестра ворвалась в зал, задыхаясь от бега и облегчения.

— Эдан! — она бросилась к нему, обняла, прижалась к его плечу, будто хотела убедиться, что он настоящий. — Я думала, что потеряла тебя там, в этой темноте...

Он обнял её в ответ, чувствуя, как уходит напряжение, сковывавшее его с того самого дня, когда он впервые услышал о треске Печати.

— Я здесь, — тихо сказал он. — И я нашёл ключ.

Лира отстранилась, посмотрела на кристалл в его руке и нахмурилась.

— Он... живой? — прошептала она.

— Почти, — кивнул Эдан. — Теперь он часть меня. А я — часть Печати. Это значит, что трещина не исчезнет сама по себе. Её нужно удерживать. Постоянно.

Лира закусила губу, но не отступила.

— Значит, мы будем удерживать вместе. Ты не пойдёшь назад один.

Эдан хотел возразить, хотел сказать, что теперь он — единственный, кто может держать барьер, и чем дальше он будет от неё, тем безопаснее для неё. Но он увидел в её глазах ту же решимость, что и в тот день у колодца. И понял: спорить бесполезно. Да и не хотелось.

Они повернулись к выходу. Но едва они сделали шаг, пол снова дрогнул, и из глубины храма вырвался новый звук — не шёпот, не стон, а тяжёлый, ритмичный гул, похожий на шаги чего-то огромного.

Из темноты туннеля, откуда они пришли, появилась новая фигура. Не страж, не демон, а человек в тяжёлых доспехах, покрытых странными рунами. Его шлем скрывал лицо, но в прорезях глаз мерцал тот же зловещий красный свет, что и у демонов Хаоса.

— Слишком поздно, рыцарь, — прохрипел он, и голос его был похож на скрежет металла о камень. — Ты думал, что пришёл первым? Что успел? Хаос уже здесь. Его слуги ждали этого момента. И теперь, когда ты принял силу Печати, ты стал для них не защитником — ты стал маяком. Они чувствуют тебя. И они придут за тобой.

Эдан крепче сжал кристалл.

— Кто ты такой? — спросил он, стараясь не выдать дрожь в голосе.

Человек в доспехах медленно поднял руку, и руны на его броне вспыхнули, выжигая в воздухе символы, от которых воздух вокруг него искажался, как над костром.

— Я — вестник Разлома, — прошипел он. — И моя задача — не дать тебе вернуться.

Он взмахнул рукой, и из пола вырвались тёмные шипы, преграждая путь к выходу. Лира отпрянула, едва успев увернуться.

— Беги! — крикнул Эдан, отталкивая сестру к боковой нише. — Найди другой выход! Я задержу его!

Лира хотела возразить, но увидела в его глазах то, чего не могла оспорить: он уже принял решение. Она кивнула, метнулась в тень и исчезла за поворотом.

Эдан остался один на один с вестником.

— Ну что ж, — процедил он, выхватывая меч. — Если хочешь остановить меня — попробуй.

Вестник усмехнулся под шлемом и сделал шаг вперёд. Его доспехи заскрежетали, и воздух вокруг него потемнел, словно сама тьма стекалась к нему.

— Ты даже не представляешь, что ты натворил, приняв силу Печати, — прохрипел он. — Ты не укрепил барьер. Ты сделал его уязвимым. Потому что теперь он держится на твоей жизни. Убей тебя — и трещина станет бездной.

Эдан стиснул зубы. Он понял: вестник не лжёт. Приняв силу, он стал не только щитом, но и мишенью.

— Тогда придётся сделать так, чтобы меня было нелегко убить, — пробормотал он и бросился вперёд.

Сталь ударилась о сталь, и зал наполнился звоном, эхом разлетавшимся по коридорам храма. Вестник был силён, его удары были тяжёлыми, рассчитанными, словно он знал каждое движение Эдана наперёд. Но Эдан был быстрее. Он уклонялся, парировал, искал брешь в броне врага.

И вдруг он заметил: руны на доспехах вестника мерцали в определённом ритме. Каждый третий удар — и одна из них тускнела на долю секунды. Эдан запомнил этот ритм.

Он сделал вид, что отступает, заманивая вестника глубже в зал. Вестник наступал, уверенный в своём превосходстве. И когда он нанёс третий удар, руна на его груди вспыхнула и тут же погасла — на мгновение броня стала уязвимой.

Эдан метнулся вперёд, вкладывая в удар всю свою силу и решимость. Меч вонзился точно в эту точку. Вестник замер, а затем медленно пошатнулся. Руны погасли одна за другой, и тьма, окружавшая его, рассеялась, как дым на ветру.

Он рухнул на колени, а потом — на пол, и доспехи с глухим лязгом откатились в стороны, обнажая человека под ними. Это был не демон. Это был человек — измождённый, постаревший раньше времени, с лицом, изборождённым шрамами и усталостью.

— Ты... победил, — прошептал он, глядя на Эдана мутными глазами. — Но знай... это только начало. Разлом уже открыт. И те, кто служит Хаосу, не остановятся.

Эдан опустил меч, но не убрал его.

— Почему ты служил им? — спросил он тихо.

Вестник слабо улыбнулся.

— Потому что они обещали вернуть мне то, что я потерял. Но теперь я вижу: они ничего не возвращают. Они только берут.

Он закрыл глаза и затих.

Эдан постоял над ним, чувствуя тяжесть всего, что только что произошло. Потом он повернулся и позвал:

— Ли́ра!

Она выбежала из ниши, глаза её были расширены от страха, но, увидев, что вестник повержен, она выдохнула.

— Мы можем идти? — спросила она дрожащим голосом.

Эдан кивнул.

— Можем. Но теперь всё будет иначе. Я — часть Печати. И пока я жив, барьер держится. Но это значит, что Хаос будет охотиться на меня. Нам нужно вернуться в замок, предупредить всех и подготовиться к тому, что грядет.

Они вышли из зала, оставив позади руны, тени и мёртвого вестника. Водопад всё так же ревел, но теперь в его рёве слышался не только страх, но и надежда — тихая, упрямая, как шёпот Лиры в темноте.

Когда они ступили на тропу, ведущую вниз, кристалл в руке Эдана слабо засветился, словно напоминая: работа только начинается.

Глава 4. Дорога сквозь тень

Обратный путь казался иным. Не потому, что тропа изменилась, а потому, что изменился сам Эдан. Каждый камень, каждый поворот теперь ощущались иначе — будто он видел не просто дорогу, а линии силы, тянущиеся сквозь землю, связывающие храм, замок и все земли между ними. Кристалл в его руке пульсировал, отзываясь на эти потоки.

— Ты чувствуешь это? — тихо спросила Лира, когда они спускались по крутому склону, где корни деревьев сплетались в живые ступени.

— Чувствую, — кивнул Эдан. — Это... как эхо. Будто мир говорит со мной, но я пока не понимаю языка.

Лира покосилась на кристалл.

— А он... не причиняет тебе вреда?

Эдан покачал головой.

— Нет. Скорее, он делает меня... чувствительнее. Я слышу, как трещит реальность. И чем ближе мы к замку, тем громче этот треск.

Ли́ра вздрогнула, но тут же расправила плечи.

— Значит, нам нужно спешить.

Они шли быстро, но осторожно. Лес, который раньше казался просто тёмным, теперь дышал угрозой. Тени между деревьями двигались, будто следили за ними. Птицы не пели — они кричали, и в этих криках слышалось предупреждение.

К полудню они вышли к опушке, откуда уже виднелись башни замка. Но что-то было не так. Над крепостью висело тяжёлое, серое облако, не похожее на обычную тучу. Оно клубилось, извивалось, словно живое, и от него тянуло холодом даже на расстоянии.

— Это не просто погода, — прошептал Эдан, чувствуя, как кристалл в его руке становится горячее. — Это просачивается Хаос.

Ли́ра сжала кулаки.

— Значит, они уже там.

Не сговариваясь, они ускорили шаг, почти побежали по тропе, ведущей к главным воротам. Но когда до стен оста-

валось всего несколько сотен шагов, из тумана перед ними выступили фигуры.

Демоны Хаоса. Не те, что нападали у леса, а другие — более плотные, более реальные, будто они успели закрепиться в этом мире. Их глаза горели красным, а вокруг них воздух искривлялся, как над раскалённым железом.

— Они ждут нас, — процедил Эдан, выхватывая меч.

— Или ждут тебя, — тихо добавила Лира.

Один из демонов шагнул вперёд, его силуэт расплывался и снова собирался, как дым, который пытаются удержать в кулаке.

— Хранитель Печати пришёл домой, — прошипел он голосом, похожим на скрежет камней. — Мы ждали этого момента. Теперь ты не сможешь спрятаться.

Эдан встал перед Лирой, прикрывая её собой.

— Убируйтесь, — сказал он твёрдо. — Этот мир не ваш.

Демон рассмеялся, и смех его отозвался болью в висках.

— Мир принадлежит тому, кто сильнее. А ты... ты всего лишь человек с тяжёлой ношей.

Ещё двое демонов двинулись в обход, пытаясь окружить их. Эдан знал: если они подойдут вплотную, сталь не поможет. Хаос проникал сквозь защиту, сквозь волю, сквозь самую суть.

Но теперь у него был кристалл. И он был частью Печати.

Эдан поднял руку с кристаллом, и тот вспыхнул ослепительным светом, который ударил по демонам, заставляя их отшатнуться. Тьма вокруг них зашипела, как вода на раскалённом камне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.